

Отзыв официального оппонента
Зимбули Андрея Евгеньевича
о диссертации Гергилова Ростислава Евгеньевича
«ФЕНОМЕН СТЫДА (ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА)»,

представленной на соискание учёной степени доктора философских наук
по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Первым делом необходимо от души поблагодарить автора работы за очень нужную и смелую разработку фундаментально важной темы. Ведь диссертационные исследования, даже докторские, бывают посвящены довольно разнохарактерным и разномасштабным сюжетам, подчас рассчитанным на тонких знатоков и любителей. Тогда как поднятая в данном диссертационном исследовании проблема, да ещё рассмотренная в философско-антропологической перспективе, очевидно знаменует важную веху в гуманитарном знании. Есть все основания надеяться, что на диссертацию Р.Е.Гергилова обратят внимание специалисты сопряжённых ветвей гуманитаристики, в частности, культурологии, психологии, правоведения, политологии, этики. И совместными усилиями вскорости пропишут тщательно выверенные технологии не хуже возгонки нефти. А то ведь – странно сказать – для того, чтобы получить автомобильные права, давно отработаны строгие процедуры (призванные выявлять не только способности, наклонности, но и возможные психофизиологические дефекты претендента). Тогда как по контрасту – даже в политические лидеры до сих пор не придумано объективного отсева-отбора, хотя риск в данной сфере много посерьёзней, чем на автострадах. В итоге стать профессиональным политиком вполне могут субъекты без царя в голове, без стыда, без совести.

Итак, тема бесспорно характеризуется фундаментальной значимостью, предмет её обладает высочайшей социокультурной ценностью. И автор приступает к исследованию с подобающими заинтересованностью, объективностью, тактом. Чётко прописаны актуальность темы, обозначены исследовательские цели и задачи. Текст – в отличие от немалого числа диссертационных работ – сильно структурирован, выстроен логично, очень грамотен. Используются подобающие ситуации богатые пласты относящейся к теме философской отечественной и зарубежной литературы, раскрывающей природу человека вообще и стыда в частности. Очень важным методологически представляется то, что человек в рамках предпринятого исследования рассматривается через ракурсы свободы, ответственности, достоинства. Достоверность результатов исследования обеспечивается аргументированностью основных положений, непротиворечивостью и

логичностью изложения концепции, тщательным подбором многочисленных солидных, заслуживающих доверия источников. Читать диссертационное исследование интересно, чаще всего возникают реакции типа: «Ах, как хорошо подмечено!», «Давно пора об этом задуматься», «Да, безусловно верно». Но как и водится у интересных работ – текст наводит на новые размышления, а иногда и вызывает на спор.

Всмотримся в содержание работы. И сразу упор постараемся сделать не на пересказ текста, но всего более – на вызываемые им отзвуки, вопросы, краткие комментарии.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Теоретико-методологические основы исследования стыда и общее условие его существования» посвящена рассмотрению поводов к стыду и, как сформулировано автором, «эксцентричной позициональности» человека. Здесь сразу хотелось бы кратко высказаться об используемом в диссертации термине. Дело в том, что для моих русскоговорящего языка и русскослышающего уха привычнее понимать под ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬЮ непредсказуемость. Старомодно продолжаю считать, что есть различие между словами ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ и ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ. Первое означает «странный, непредсказуемый». А именно второе предполагает отсутствие единого центра, выход из него вовне и всё то, что имеет в виду уважаемый автор: духовность человека, его свободу, вовлечённость в культуру.

Автором предложено объективное рассмотрение основных теоретических концепций генезиса стыда, а также родственных стыду феноменов *застенчивости* и *стеснительности* [С. 23]. Хотелось бы спросить в этой связи – уже сопоставлены или будут в ближайшей перспективе сопоставлены с ними состояния *уверенности* и *отзывчивости*? Вообще же подход Р.Е.Гергилова лично мне глубоко созвучен, я примерно такое объяснение усвоил от своего университетского учителя Владимира Георгиевича Иванова: есть уровни регуляции – страх, стыд, совесть. Человек как существо родовое выше страха и стыда. Совесть предполагает способность к саморегуляции. Только я бы по этому поводу не стал говорить, что человек ВЫШЕ или БОЛЬШЕ социального существа. Лично я не выше своего тела, своих ног-рук-туловища-голова. Я – всё это ВМЕСТЕ взятое. Плюс содержание головы и состояние души.

Интересен и убедителен анализ механизма перевода культурных кодов в личностные характеристики, в том числе в способность стыдиться. Причём хотелось бы подчеркнуть особую ценность анализа жизни человека, рассмотренной в сопоставлении и противопоставлении масштабу вселенной и тем существам, которых принято именовать животными, зверями. Ведь именно человек способен сделаться звероподобным. Тогда как даже атеисту должен быть понятен тот факт, что верующие испытывают вполне реальный стыд перед Небесными силами. Чрезвычайно важно в этой

связи разобраться в том, где переживание человеком своего несовершенства является адекватным, социально полезным и содействующим личностному саморазвитию, а где – свидетельствует о серьёзном кризисе, душевном и духовном раздразе. Конечно же, рассмотренный автором тезис Шелера о происхождении стыда из внутренней противоречивости человека мог бы послужить здесь вполне достойной отправной точкой [С. 50]. Кроме того, напрашивается мысль выделять не два рядоположенные порядка, а, допустим, три: физический, биологический, социальный. Или ещё больше: физический, химический, органический, социальный, духовный.

Во ВТОРОЙ ГЛАВЕ – «Теория стыда» – автор переходит от обзора взглядов предшественников к выстраиванию собственной обобщающей теоретической конструкции. Отстаивается идея, согласно которой при разновариантных историко-культурных обстоятельствах стыд представляет собой универсальное качество человека. Всё выглядит донельзя убедительным, но когда заявляется, что универсальность стыда свидетельствует о невозможности феномена бесстыдства [С. 12, 16, 163, 270], тут, могу признаться, сколько ни пытался принять логику диссертанта, самые серьёзные сомнения лично у меня по этому поводу остаются. Корректнее, по-моему, было бы вести речь не про *невозможность*, а про *ненормальность* бесстыдства.

Очень убедительно и выразительно изложен, органично вписан в общий текст диссертации тот её фрагмент, где рассмотрены виды обнаружения (манифестации) стыда: мимика, жестикация, поза, физиологические характеристики типа учащённого пульса и так далее [С. 73 и др.]. Убедительны подпараграфы, в которых рассматриваются психологические состояния, граничащие со стыдом, а также раскрываются различия между стыдом и виной, стыдом и страхом; обозначены опасности разоблачения, унижения и отвержения. Не вполне пока понятно, впрочем, как в эту чёткую логику уложить процесс РАЗВЕНЧАНИЯ – ведь РАЗВЕНЧАНИЕ не совпадает ни с РАЗОБЛАЧЕНИЕМ, ни с УНИЖЕНИЕМ, ни с ОТВЕРЖЕНИЕМ.

Детально рассмотрены и соотнесены СТЫД и ГОРДОСТЬ [С. 89 и далее]. Справедливо отмечается, что чувство гордости связывает индивида с другими людьми, даёт возможность чувствовать себя компетентным, любимым и уважаемым (позволю себе добавить: ЗАВИДУЕМЫМ). Спешу согласиться с выводами диссертанта. По моему убеждению тоже – наличие, с одной стороны, законной-адекватной гордости и, с другой, трезвой скромности, самокритики – признак нравственного <да и психического> здоровья.

Обстоятельно рассматривается в работе структура стыда, формы и комбинации его выражения. Прослеживается связь стыда с кризисом идентичности. В этой связи напрашивается вопрос о не меньшей значимости сопоставления стыда с ГРЕХОМ. Тут

открывается богатейшее смысловое поле, ведь грех может и соотноситься с кризисом идентичности, а может и не соотноситься. Грешники бывают не только кающиеся...

Погружаясь в чтение работы Ростислава Евгеньевича Гергилова, не могу отделаться вот от какой мысли: очень жаль, что не дожил до этого текста профессор Владимир Георгиевич Иванов. Он был бы рад многому в проведённом исследовании – сфокусированно выбранному предмету, детальности его рассмотрения, мощной методологии, тщательно выверенной тональности.

Специально рассматриваются стыд телесный, стыд психический, социальный и их комбинации. Да, очень точные и глубокие размышления – всё расставляется по полочкам. Впрочем, пользуюсь случаем, чтобы направить реплику в адрес логики Эриха Фромма, незримо присутствующего в построениях Р.Е.Гергилова. Дело в том, что мне серьёзно сдаётся: надо было бы сопоставлять не только модусы ИМЕТЬ и БЫТЬ, но ещё важнее сопоставить модусы ИМЕТЬ и УМЕТЬ + ИМЕТЬ и ОТНОСИТЬСЯ. Дело в том, что БЫТЬ можно незаслуженно, по благу. Короля играет свита. Пока свита тебя поддерживает – ты король. Но КОРОЛЬ ли ты? Кроме того, комплекс неполноценности в исследовании упоминается, а более широко к теме положительных и негативных самооценок автор предполагает обратиться?

Интересны и плодотворны представленные далее в тексте рассуждения о физиологии стыда. В них с особой зримостью предстаёт польза междисциплинарного подхода к заявленной диссертационной теме. Впрочем, по ходу чтения данного сюжета у меня возникло вот какое сомнение. Если истолковывать стыд как «дезорганизацию личностного единства», то трудно или даже невозможно понять, например, жизненную стратегию выдающегося гуманиста XX века, Альберта Швейцера, который, по собственным признаниям, решил по достижении тридцатилетнего возраста отрабатывать нравственный долг европейской цивилизации перед темнокожим населением Африки, и поехал туда в качестве врача. Выражаясь в терминах «дезорганизация» и тому подобных, следовало бы констатировать, что Швейцер впал в психопатологическое состояние самоотчуждённости. И что вместо того, чтоб уезжать на долгие годы в Габон, ему бы следовало просто сходить к психоаналитику.

Специальные рассуждения посвящены исследованию темы бесстыдства, причём вновь подчёркивается: «существование состояний, свободных от стыда, не доказано» [С. 144]. «Бесстыдного человека в природе не существует» [С. 155]. Не кажется ли автору, что объяснение бесстыдства можно было бы вести по «модели чистого окна»: абсолютно чистым оно никогда не сделается? Аналогично – и с чистой совестью. Мы помним, только что упомянутый А.Швейцер подмечал: «Чистая совесть – изобретение дьявола». И ведь при всём том мы привычно рассуждаем не только о совести грешника, но и в

целом ряде ситуаций – о чистой совести. Может, и о стыде и бесстыдстве нужно говорить именно применительно к конкретным ситуациям? Вскользь замечу, что предложенное диссертантом обозначение случаев патологического отсутствия стыда как «свободы от стыда» [С. 153 и далее] представляется не вполне удачным. Аналогичным образом можно было бы слепого человека называть «свободным от зрения», а глухого – «свободным от слуха».

ТРЕТЬЯ ГЛАВА выводит обсуждение темы на социальный уровень и называется «Социальные ситуации стыда и влияние культурных факторов на формы его манифестации». Сразу поделюсь вот каким соображением. Было бы сугубо важно рассмотреть не только индивидуальный стыд в социальном контексте, но и стыд социального субъекта. Ведь может же быть именно так истолкована, к примеру, Германия – как покаявшаяся за Гитлера [об этом будет чуть позже упомянуто: С. 227].

Ставится автором очень важный вопрос оценки стыда как желательного или нежелательного феномена. Можно только согласиться с такой постановкой вопроса. Ведь и о культуре тоже надо бы рассуждать как о желательном и нежелательном феномене. Вспомним, к примеру, знаменитое рассуждение Николая Сербского, где речь идёт о том, насколько много опасностей, негатива именно культура несёт человеку и миру.

Сугубо серьёзные задачи решает диссертант, когда разбирает поводы стыда в культурном сравнении [С. 171]. Очевидно, что данные сюжеты важны не для каких-нибудь скучающих коллекционеров непохожестей, но в интересах выработки социокультурных стратегий. Автором рассмотрены социальная психология, история и этногеография стыда. В дальнейших проектах, можно надеяться, будут столь же детально, чётко, методологически выверенно отражены религиозоведческие, эстетические, профессионально-этические, половозрастные аспекты изучаемого феномена. Он того заслуживает.

Да будет позволительно произнести реплику в сторону: кому как, а лично мне представляется недодуманной методология, выделяющая СТЫД и ВИНУ, но не предусматривающая фокуса внимания на обратных полюсах для этих важных явлений. Так, СТЫДУ надлежало бы для полноты противопоставить, например, ГОРДОСТЬ. А ВИНЕ – ЗАСЛУГУ. Разве не очевидно, что север без юга, минус без плюса теряют смысл!

Параграф «Воспитание и роль родителей в формировании чувства стыда в детском возрасте» [С. 195] справедливо вызвал у меня особый интерес по понятным причинам: работаю ведь я в Российском государственном педагогическом университете. Теоретические и прикладные подходы обозначены чётко, убедительно. Это

исследовательское направление очевидно сулит подключение многих заинтересованных союзников.

Далее в диссертации рассмотрено нарушение норм и связанное с этим проявление стыда. Автор подмечает, что нормы могут нарушаться сознательно и планомерно [С. 199] (а могут, очевидно, – случайно и разово). И скорее всего субъект будет выносить себе по этим неодинаковым поводам различные оценки. С точки зрения этики вопрос о соблюдении / нарушении норм упирается в то, каково отношение субъекта к этим соблюдаемым или нарушаемым нормам: как к естественным культурным правилам, как к чему-то произвольному и навязываемому извне. Ну и кроме того – обязательно значимым фактором будет причина-повод, из-за чего или во имя чего норма нарушена: из сострадания к кому-то, из моральной неустойчивости, из вредности и т.п.

По параграфу «Стыд как индивидуальный и социальный феномен» [С. 206] – содержательному, интересному, полезному – в первую очередь хотелось бы высказать одно уточняющее суждение. Как хотите, лично я далёк от восприятия механизма стыда как кризиса. Разве боль – это кризис? Боль = сигнал. Реакция здорового организма на угрожающую опасность: на острое, горячее и тому подобное. Разве не то же и со стыдом? Тут, стало быть, совсем не кризис, а здоровая реакция нравственно «заблудившегося» субъекта.

Следующий значимый ракурс изучаемого механизма – «свидетели стыда и коллективный стыд» – рассмотрен в очередном параграфе. Читаю его, и пытаюсь разобраться в тонких хитросплетениях терминов, структурных диспозициях, избранном автором понимании механизмов атрибутирования. Всё исключительно интересно. Если я правильно понял, инстанции бывают официальными, навязываемыми извне + субъективно значимыми, свободно принимаемыми субъектом. Инстанция – это свидетель, с которым, из множества потенциальных окружающих, стыдящийся субъект считается. И таковыми инстанциями бывают индивиды, группы, память предков, Отец Небесный и тому подобное. Всё это, очевидно, вносит существенно различную окраску в происходящее. Меня В.Г.Иванов учил, что для возникновения чувства стыда наблюдатель нужен. Хотя бы воображаемый. Вдобавок для меня очевидно, что есть некое различие между неловкостью, которую человек испытывает на глазах у значимых наблюдателей, поскользнувшись-растянувшись – или же совершив в их присутствии неподобающий поступок. То бишь – следовало бы, видимо, различать стыд психологический и нравственный. По предмету.

По справедливому суждению уважаемого автора, попавший в ситуацию стыда человек как бы «раздваивается» [С. 237]. Я бы даже сказал, что картина происходящего ещё сложнее. Ведь наряду с реальной сущностью человека есть то, каким субъект себя

видит (существуют завышенные и заниженные самооценки); есть его представление о том, каким он хотел бы видеть себя сам; есть тот образ, который он хотел бы предъявить значимым наблюдателям – нравственной инстанции. Ну и внешняя инстанция тоже смотрит на действующего субъекта не сквозь монокль. Здесь тоже очевидно будут сосуществовать, и возможно конфликтовать: реальность, ожидания, кажимость.

Хотелось бы обратить внимание вот на что. Неоднократно в своей работе Р.Е.Гергилов использует понятие «диффузная ответственность». Речь – об ответственности, распространяющейся, «рассеивающейся» на многих независимых свободных субъектов. Термин выразительный и точный. Но, что называется, со своей колокольни, рассматривая узел проблем стыда с в этических ракурсах, я бы хотел предложить дополнить этот термин другим, сделав упор не на *рассеянность*, а на *разделённость* стыда. Для этих целей, по моему убеждению, хорошо подходит понятие «причастность».

Другой момент, точно обозначенный в тексте диссертации. Стыд, который испытывают студенты, пришедшие на лекцию – за своих сокурсников-прогульчиков [С. 225]. Лично я как раз устойчиво стараюсь подчеркнуть тем студентам, которые пришли на лекцию, что я рад за них, благодарен им. Стараюсь ни в коей степени не выговаривать им по поводу низкой явки. Разве они виноваты, что кто-то проспал или занимается другими делами? То есть, я вижу в подобной ситуации – взаимоуважение, благодарность, солидарность, заботу, а в адрес отсутствующих – иронию и снисходительное сочувствие. Но далеко не только диффузию.

Далее. При чтении и осмыслении следующего параграфа, могу признаться, меня посетила страшная мысль. Не так давно американец расстрелял толпу участников музыкального фестиваля. Преступник убит, обстоятельства туманны. Мне изначально приходило в голову, что этот человек, например, мог быть лишён музыкального слуха. Ну – или что когда-то ему глубоко запал в душу конфликт по поводу гамм, звучавших с верхнего этажа. Но сейчас вдруг допустил, что он испытывал СТЫД. Помните, Станислав Ежи Лец как-то заметил: «Мне неизвестно, как выглядел храм Артемиды Эфесской. Потому я не вправе осуждать Герострата»...

Несколько смутил меня контекст, в котором объясняется так называемая «стигматизация». Речь ведётся о том, как тяжело переживают субъекты обладание того или иного «мало желательного свойства», которое их «марает», «унижает» и дискредитирует [С. 236]. Простите, у Франциска Ассизского – стигматы были, потому что он испытывал стыд за когдатощних иудеев? А я-то наивно полагал, что у него появлялись язвы чисто из глубокого сострадания Христу...

Уже отмечал в самом начале отзыва, что предпринятое автором исследование – пионерское, и что оно обязательно всколыхнёт волну согласованных между собою проектов, представляющих многие взаимодополняющие науки. Мне, как представителю науки этики, было бы интересно узнать, как проявляется, переживается, осмысливается стыд – у водителей-лихачей, у обитателей тюрем, у крупных бизнесменов, у футболистов, у политиков, у журналистов, у непойманных коррупционеров.

Специальному анализу подвергнута тема избегания и преодоления стыда [С. 244 – 255]. Параграф очень содержателен, и вскрывает новые интересные исследовательские перспективы. Судя по всему, в самом общем виде можно было бы ставить вопрос о разработке своего рода техники безопасности в сфере межчеловеческих взаимоотношений. Механизмам стыда и совести там будет отведено самое достойное место. В рамках предстоящих исследований важно будет не только систематизировать бытующие способы, какими многие века избавлялись и продолжают избавляться от стыда профессиональный киллер, палач, политик, учитель двоечника, родитель преступника. Куда важнее – предстоит создать многомерную матрицу видов стыда, адекватных и неадекватных обстоятельствам. И – продумать рецептуру, согласно которой будут рекомендоваться варианты – где избегания, где нейтрализации, где стимулирования стыда, пристыжения.

Завершается исследование параграфом «Пристыжение и власть» [С.255 – 265]. Фокус внимания направляется автором на те ситуации, в которых через ситуацию стыда разные люди и группы людей подвергаются унижению. А те, кто их пристыжают, утверждают свою над ними власть. Тема носит чрезвычайно животрепещущий характер. Для полноты картины в будущем, думается, будет нужно прописать возможно детальнее разнообразие видов взаимодействий, с переменами и переливами прав на критику. Должны быть, в частности, чётко и с доступными примерами описаны виды пристыжения – приватного и публичного, заслуженного и незаслуженного, доброжелательного и злонамеренного, сильного и не сильного и так далее. Кухарка во власти, возможно, будет не очень компетентна. Но оценивать то, как *на ней* отражаются действия власть имущих – вполне вправе. Подобно тому, как пассажиры автобуса имеют законное право судить о водительских умениях своего шофёра. Кроме того, настоятельно необходимо выявить и систематизировать готовность субъектов пристыжать самих себя – перед близкими и дальними, перед своими и чужими, перед статусно более высокими, равными, низкими; перед собой, перед природой, перед социальными общностями, если хотите – перед Богом.

В **Заключении** автор подводит основные итоги исследования, кратко и ёмко обосновывает методологию философско-антропологического анализа феномена стыда,

намечает перспективы дальнейших исследований. По поводу основных выводов да будет позволено высказать несколько частных ремарок.

1. Лично я остался в убеждении, что стыд, даже будучи универсальным механизмом межчеловеческих взаимосвязей, присущ разным людям далеко не в равной степени. Ведь если бы мы рассуждали о том, что дыхание равно присуще всем людям без исключения, надо всё же будет признать: у разных людей есть разные способности какое-то время проводить без дыхания. Бывают разные случаи удушья и, напротив, гипервентиляции лёгких, холотропного дыхания...

2. Остался у меня наивный вопрос: если проказник-преступник-злодей устыдится совершённых действий – надо ли именовать это кризисом идентичности, или способом нравственной и социальной реабилитации?

3. Автор при описании происходящего в ситуации стыда использует формулировки: «индивид [...] поражён феноменом стыда, как целостность» [С. 269 – 270]. Интересное дело, а гравитационными силами индивид не оказывается поражён? А сменой утра – дня – вечера – ночи? А атмосферой Земли? В которой вынужден жить-томиться? «Как целое индивид дезорганизуется» [С. 270]. Напрашивается уточнение: как целое дезорганизуется только тот, кто пытается непомерно противостоять законам природы. И оказывается посрамлён: набивает себе синяки, страдает от бессоницы или от тошноты, заболевает разными психическими недугами.

4. «Универсальный характер стыда свидетельствует о невозможности существования феномена бесстыдства» [С. 270]. Ну да, нет и не может быть в природе казнокрадов, нет алиментщиков, нет лохотронщиков. Нет слепых, нет глухих, нет паралитиков...

5. «Базирующийся на эксцентричном способе существования человека и потому считающийся универсальным феноменом, стыд, по форме, подвержен историческим и культурным видоизменениям» [С. 270]. Повторюсь: не *эксцентричном*, а *эксцентрическом*. А по сути – очень согласен. Хочется верить, что в дальнейших исследованиях стыда будут раскрыты его видоизменения гендерные, возрастные, этнические, профессиональные, конфессиональные.

6. Стыд «в повседневности [...] выглядит как нечто негативное, вредное и патологическое» [там же]. Надо ли удивляться, что стыд воспринимается как нечто негативное? Мы же свыклись с тем, что боль для нормального-здорового человека малопривлекательна! Или другое сравнение приходит в голову. Опять же, норма предполагает, что мы и дома, и на работе регулярно занимаемся уборкой пыли, грязи, мусора. Брезгливость к сору – негативное переживание? Негативное. Но оно позитивно по социокультурным своим функциям.

Наконец, безоговорочно соглашаюсь с автором в том, что в изученной им сфере наблюдаются многочисленные перекосы, парадоксы. Которые, стало быть, нуждаются в предельно тактичном всестороннем изучении и оздоровлении.

Повторю главный вывод отзыва. Работа Ростислава Евгеньевича Гергилова важна, нужна, фундаментальна. Она выполнена на основе мощного пласта исследовательских традиций, обладает междисциплинарной значимостью, богата на обоснованные обобщения и на те положения, которые будят исследовательскую мысль.

Апробация результатов проведённого диссертационного исследования, соответствующие публикации добротны, демонстрируют чрезвычайно высокий научный потенциал автора, а также его открытость научному сообществу.

Автореферат и публикации чётко соответствуют основному тексту диссертации.

Всё вышесказанное позволяет сделать однозначный и логичный вывод о том, что диссертация Гергилова Ростислава Евгеньевича является завершённой научно-квалификационной работой по специализации «Философская антропология, философия культуры», выполнена работа с учётом современных достижений в данной области, а результаты исследования представляют как теоретическую ценность (для дальнейших разработок в области философской антропологии и философии культуры), так и существенную значимость для решения практических задач в исследуемой области общественных отношений. Представленная диссертация отличается актуальностью, новизной, доказательностью и отвечает требованиям пп. 9-11 Положения о присуждении учёных степеней, предъявляемых к докторским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

10

РГПУ им. А.И.Герцена
подпись *А.Е.*

10 сентября 2018 года

удостоверяю «*10*»

Официальный оппонент

Отдел персонала и
управления кадрами

профессор кафедры эстетики и этики

Института философии человека

Российского педагогического университета им. А.И.Герцена

Ведущий документовед
Отдела персонала и
социальной работы
В.В. Рубинчик

СЕРТИФИКАТ
ОДОБРОВАНИЯ
И
ПРОВЕРКИ
ДОКУМЕНТОВ
И
ПОДПИСЕЙ
И
ПЕЧАТЕЙ
И
ПОДПИСЕЙ
И
ПЕЧАТЕЙ

А.Е. Зимбули /

Институт философии человека,

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена,

Россия, 197046, Санкт-Петербург, Малая Посадская, д. 26, комната 303а,

эл. почта: axiosherzen@gmail.com